

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Пепел

(Ashes)

— Привет, Брюс. Сто лет не виделись. Заходи.

Я широко распахнул дверь, и он проследовал за мной в гостиную. Высокий, тощий и нескладный, он неуклюже развалился в кресле, указанном мной, и принялся нервно вертеть в руках шляпу. В его глубоко посаженных глазах застыло тревожное, затравленное выражение, и он поминутно озирался по сторонам, словно опасаясь чьего-то внезапного нападения. Мертвенно-бледное лицо казалось изможденным, и уголки губ судорожно подергивались.

— В чем дело, старина? У тебя такой вид, будто тебе только что явилось привидение. А ну-ка, возьми себя руки! — Я подошел к буфету и налил в бокал вина из графина. — Вот, выпей.

Он залпом осушил бокал и вновь принялся терзать свою шляпу трясущимися пальцами.

— Спасибо, Прэг... мне нынче что-то не по себе.

— Оно и видно. Что случилось?

Малкольм Брюс неловко поерзал в кресле.

Несколько мгновений я молча смотрел на него, задаваясь вопросом, что же могло так сильно потрясти моего приятеля. Я знал Брюса как человека со стальными нервами и железной волей, и видеть его в столь явном смятении было само по себе неординарным событием. Я протянул коробку с сигарами, и он машинально взял одну.

Только раскурив вторую сигару, Брюс наконец нарушил молчание. Он уже овладел собой и вновь стал решительным, уверенным в себе человеком, каким я его знал.

— Прэг, — начал он, — сегодня со мной приключился самый дикий, самый жуткий случай из всех, какие только можно представить. Не знаю, решусь ли я рассказать тебе все, ибо боюсь, ты сочтешь меня сумасшедшим, — и я не стану тебя винить, коли ты придешь к такому мнению! Но в моей истории нет ни слова вымысла, клянусь.

Он умолк с драматическим видом и выпустил несколько колечек дыма.

Я улыбнулся. Мне не раз доводилось выслушивать предиковинные повествования, сидя за этим самым столом. Вероятно, я внушал людям доверие в силу некой особенности

своей натуры, ибо порой мне рассказывали такие истории, за возможность услышать которые иные отдали бы полжизни. И все же, несмотря на свою любовь ко всему странному и опасному, несмотря на свою тягу к исследованию глухих уголков малоизвестных стран, я был обречен на прозаичную, однообразную, бедную событиями жизнь простого коммерсанта.

— Тебе приходилось слышать о профессоре ван Алистере? — спросил Брюс.

— Ты имеешь в виду Артура ван Алистера?

— Его самого! Так ты знаком с ним?

— Еще бы! Мы знакомы не один год — с той поры, как он оставил должность преподавателя химии в университете, чтобы сосредоточиться на своих экспериментах. Я даже помог Артуру с выбором проекта звуконепроницаемой лаборатории, впоследствии оборудованной на верхнем этаже его дома. Потом он настолько погрузился в научные изыскания, что уже не находил времени для общения.

— Наверное, ты помнишь, Прэг, что в годы нашей учебы в университете я увлекался химией?

Я кивнул, и Брюс продолжал:

— Около четырех месяцев назад я потерял работу. Как раз тогда ван Алистер поместил в газете объявление об ассистенте, и я откликнулся. Он помнил меня по университету, и мне удалось убедить его, что я достаточно сведущ в химии, чтобы попробовать свои силы в качестве ассистента. Секретаршей у него работала молодая женщина по имени мисс Марджори Парди — чрезвычайно ответственная и обязательная особа, причем столь же привлекательная, сколь компетентная. Она немного помогала ван Алистеру в лаборатории, и вскоре я обнаружил, что она проявляет неподдельный интерес к научным исследованиям и ставит свои собственные опыты. Собственно говоря, она почти все свое свободное время проводила с нами в лаборатории. Ясное дело, подобное тесное общение не могло не перерасти в близкую дружбу, и вскоре я начал обращаться к ней за помощью при проведении сложных экспериментов всякий раз, когда профессор был занят. Казалось, для нее вообще не существует неразрешимых проблем. В области химии она чувствовала себя как рыба в воде!

Примерно два месяца назад ван Алистер отделил перегородкой часть лаборатории и оборудовал там отдельный рабочий кабинет для себя. Он сказал, что собирается провести серию экспериментов, которые в случае успеха принесут ему вечную славу, но категорически отказался посвящать нас в подробности. С тех пор мы с мисс Парди все чаще и чаще оставались наедине, предоставленные сами себе. Порой профессор по несколько дней кряду безвылазно сидел в своей новой лаборатории, даже не выходя перекусить. Как следствие, у нас появилось больше свободного времени, и наша дружба окрепла. Я все сильнее восхищался опрятной миловидной девушкой, одетой во все белое вплоть до резиновых перчаток, которая находила неподдельное удовольствие в возне с вонючими колбами и липкими химикалиями. Позавчера ван Алистер пригласил нас в свой рабочий кабинет.

— Наконец-то я достиг успеха, — провозгласил он, показывая нам бутылочку с бесцветной жидкостью. — Вот препарат, который будет признан величайшим из всех известных открытием в области химии. Я хочу прямо сейчас, у вас на глазах, проверить его эффективность. Брюс, будьте любезны, принесите мне кролика.

Я выполнил просьбу, сходя в соседнее помещение, где мы держали кроликов и морских свинок, предназначенных для опытов.

Ван Алистер посадил животное в небольшой стеклянный ящик, где оно едва поместилось, и накрыл крышкой. Потом он вставил в отверстие в крышке стеклянную воронку, и мы с мисс Парди подступили ближе, приготовившись внимательно наблюдать за экспериментом.

Профессор откупорил бутылочку и занес руку с ней над узилищем бедного зверька.

— Теперь посмотрим, увенчался мой многонедельный труд успехом или нет!

Медленно, аккуратно он вылил в воронку содержимое бутылочки, и мы увидели, как тонкая струйка жидкости потекла в ящик с испуганным животным.

Мисс Парди сдавленно вскрикнула, а я протер глаза, чтобы убедиться, что зрение меня не обманывает. В ящике, где еще секунду назад сидел живой, дрожащий от страха кролик, *теперь осталась лишь кучка тонкого белого пепла!*

Профессор ван Алистер повернулся к нам с глубоко удовлетворенным видом. Лицо его сияло омерзительным ликованием, а в глазах горел странный, безумный огонь. Он заговорил с нотками превосходства в голосе:

— Вам, Брюс, и вам, мисс Парди, выпала великая честь присутствовать при первом успешном испытании препарата, который произведет настоящий переворот в мире. Он моментально превращает в пепел все, с чем вступает в контакт, кроме стекла! Только подумайте, что это значит! Армия, вооруженная стеклянными бомбами, наполненными моим составом, сможет уничтожить весь мир! Дерево, металл, камень, кирпич — все, решительно все исчезнет под воздействием такого химического оружия, оставив после себя не больше, чем осталось от нашего подопытного кролика, обратившегося в горстку тончайшего белого пепла!

Я бросил взгляд на мисс Парди. Лицо у нее было белое, как ее рабочий фартук.

Ван Алистер пересыпал то, что осталось от кролика, в бутылочку и аккуратно прикрепил к ней этикетку. Признаться, меня самого била нервная дрожь ко времени, когда он отпустил нас и мы удалились, оставив его одного за плотно закрытыми дверями кабинета.

Как только мы вышли оттуда, нервы у мисс Парди окончательно сдали. Она пошатнулась и наверняка упала бы, если бы я ее не подхватил. Едва ее мягкое расслабленное тело оказалось в моих руках, я не выдержал и, отбросив всякое благоразумие, крепко прижал девушку к груди. Я запечатлевал на ее прелестных алых устах поцелуй за поцелуем, пока она не открыла глаза, в которых сиял свет любви. После бесконечно долгой минуты блаженства мы спустились с небес на землю, осознав, что

лаборатория совсем не то место, где можно изливать свои чувства. Ван Алистер в любой момент мог выйти из кабинета, а если бы он, в нынешнем своем душевном состоянии, застал нас в объятиях друг друга — даже представить страшно, что могло бы произойти.

Оставшуюся часть дня я провел как во сне. До сих пор не понимаю, как мне вообще удалось справиться хоть с какими-то делами. Я автоматически выполнял порученные мне задания, обратившись в подобие хорошо отлаженного механизма, а мысли мои витали далеко-далеко, в царстве сладостных грез.

Марджори до конца дня занималась своими секретарскими обязанностями, и я постоянно поглядывал на нее, спеша поскорее управиться с работой.

Той ночью мы предались восторгам вновь обретенного счастья. Эту ночь я буду помнить до конца своей жизни, Прэг! Никогда прежде я не испытывал такой безумной радости, как в тот момент, когда Марджори Парди согласилась стать моей женой.

Вчера был еще один день ничем не омраченного блаженства. Мы с моей возлюбленной работали бок о бок до самого вечера, а потом наступила еще одна ночь любви. Если ты никогда не любил единственную и неповторимую женщину, Прэг, тебе не понять тот неистовый восторг, что заполняет душу при одной мысли о ней! И Марджори возвращала любовь сторицей. Она вся, без остатка, принадлежала мне.

Сегодня около полудня мне понадобились кое-какие реактивы для завершения опыта, и я вышел в аптеку. По возвращении я не застал Марджори в лаборатории и не нашел на обычном месте ее пальто и шляпу. Профессор с позавчерашнего дня безвылазно сидел в своем кабинете за закрытыми дверями.

Я справился у слуг, но никто из них не видел, чтобы мисс Парди выходила из дома, и она не просила ничего передать мне.

С течением времени я нервничал все сильнее, и вскоре просто с ума сходил от тревоги. Уже наступил вечер, а моя милая девочка так и не объявилась. Напрочь забыв о работе, я расхаживал по своей комнате, точно тигр в клетке. При каждом звонке телефона или дверного колокольчика угасающая надежда получить весточку от нее вспыхивала в моем сердце с новой силой, но всякий раз меня ждало разочарование. Каждая минута казалась мне часом, а каждый час — вечностью.

О господи, Прэг! Ты не представляешь, как я страдал! С головокружительных высот любви я низвергался в самые темные пучины отчаяния. В моем воображении рисовались разного рода несчастья, которые могли приключиться с Марджори. Однако я по-прежнему оставался в мучительной неизвестности.

Мне казалось, я прожил целую жизнь, но стрелки моих часов показывали только половину восьмого, когда лакей доложил мне, что хозяин вызывает меня в лабораторию.

Мне было совершенно не до экспериментов, но, пока я жил в доме ван Алистера, он был вправе требовать от меня повиновения.

Профессор сидел в своем рабочем кабинете, за приоткрытой дверью. Он велел мне затворить дверь лаборатории и пройти к нему. Я пребывал в столь взвинченном состоянии, что явившаяся моему взору картина — вплоть до мельчайших деталей — запечатлелась в моем сознании с фотографической точностью. В центре помещения, на столе с мраморной столешницей, стоял стеклянный ящик, по форме и размерам похожий на гроб. Он был почти до краев наполнен той самой бесцветной жидкостью, которую я двумя днями ранее видел в маленькой бутылке.

Слева, на табурете со стеклянной крышкой, стояла стеклянная банка со свеженаклеенным ярлыком. Я невольно содрогнулся, когда осознал, что она наполнена тонким белым пеплом. А потом я увидел нечто такое, отчего у меня едва не остановилось сердце!

На кресле в дальнем углу комнаты лежали пальто и шляпа девушки, которая вверила мне свою жизнь, — девушки, которую я поклялся любить и оберегать до скончания дней!

Я оцепенел, невыразимый ужас захлестнул мою душу, когда страшная догадка полыхнула в мозгу. Объяснение могло быть только одно: *в банке находился пепел Марджори Парди!*

На несколько долгих, ужасных мгновений весь мир словно застыл, а потом я впал в безумие — в дикое, неистовое безумие!

Следующее, что я помню, — мы с профессором сцепились в яростной схватке. Несмотря на преклонный возраст, он почти не уступал мне в силе, а хладнокровное самообладание давало ему известное преимущество надо мной.

Все ближе и ближе оттеснял он меня к стеклянному гробу. Еще несколько секунд — и мой пепел смешается с пеплом девушки, которую я любил! Я наткнулся на табурет и одной рукой судорожно вцепился в банку с пеплом. Последним сверхчеловеческим усилием я вскинул банку высоко над головой и нанес противнику сокрушительный удар по темени! Хватка его разжалась, и он рухнул на пол без чувств.

Повинуясь слепому порыву, я поднял недвижимое тело профессора и осторожно — чтобы ни капли жидкости не выплеснулось на пол — опустил в ящик смерти!

Мгновение спустя все было кончено. И тело ван Алистера, и губительная жидкость бесследно исчезли — и в стеклянном гробу осталась лишь россыпь тонкого белого пепла!

Пока я стоял, оцепенело глядя на дело своих рук, припадок безумия миновал, и я оказался лицом к лицу с простым и непреложным фактом: я убил человека. Мной овладело неестественное спокойствие. Я знал: против меня нет ни единой улики, если не считать того обстоятельства, что я последний виделся с профессором наедине. Ведь от него ничего не осталось, кроме пригоршни пепла!

Я надел пальто и шляпу, сказал дворецкому, что профессор велел не беспокоить его и что я уйду на весь вечер. Едва я вышел за порог, самообладание покинуло меня. Не помню, куда я направился, — помню только, что бесцельно бродил по улицам, пока вдруг не оказался у твоего дома.

Прэг, мне нужно было поговорить с кем-нибудь, облегчить истерзанную душу. Я знал, что могу доверять тебе, старина, и потому рассказал тебе все как на духу. Вот он я — поступай со мной, как сочтешь нужным. Жизнь потеряла для меня всякий смысл теперь, когда... Марджори... умерла!

Голос Брюса задрожал от горя и пресекся, когда он произнес имя своей возлюбленной.

Я подался вперед через стол и пытливо заглянул в глаза раздавленному отчаянием бедняге, бессильно сгорбившемуся в кресле. Потом я встал, надел пальто и шляпу и вновь подошел к Брюсу, который теперь обхватил голову руками и сотрясался всем телом от беззвучных рыданий.

— Брюс!

Малкольм Брюс поднял на меня глаза.

— Брюс, послушай меня. Ты уверен, что Марджори Парди умерла?

— Уверен ли я?... — Он резко выпрямился в кресле и уставился на меня широко раскрытыми глазами, когда смысл вопроса дошел до него.

— Вот именно, — продолжал я. — Ты абсолютно уверен, что в банке находился пепел Марджори Парди?

— Но ведь... я... послушай, Прэг! К чему ты клонишь?

— Значит, ты не уверен. Ты увидел на кресле пальто и шляпу девушки и — в своем взвинченном состоянии — сделал поспешные выводы: «Это пепел пропавшей девушки... Профессор испытал на ней свой кошмарный препарат...» — и все такое прочее. Ван Алистер говорил тебе хоть что-нибудь?

— Не помню. Я же сказал, я впал в неистовство — в совершенное безумие!

— Тогда вставай и пойдем со мной. Если Марджори жива, она наверняка находится где-то в доме, а если она там, мы непременно найдем ее.

На улице мы поймали такси, и через несколько минут дворецкий впустил нас в дом ван Алистера. Брюс отпер лабораторию своим ключом. Дверь рабочего кабинета профессора по-прежнему была приоткрыта. Я обвел внимательным взглядом помещение и увидел слева, возле окна, еще одну дверь. Я быстро подошел к ней и подергал ручку, но безрезультатно.

— Куда ведет эта дверь?

— Там просто кладовая, где профессор хранит химическую аппаратуру.

— Все равно ее надо открыть, — твердо сказал я.

Отступив на пару шагов назад, я со всей мочи прицельно ударил ногой в дверь, потом еще раз, еще — и наконец вышиб замок.

Брюс с нечленораздельным криком бросился в глубину кладовой, к огромному сундуку красного дерева. Выбрав один из ключей в связке, он отомкнул замок и трясущимися руками откинул крышку.

— Она здесь, Прэг... скорее! Вынесем ее на воздух.

Мы вдвоем перенесли недвижимое тело в лабораторию.

Брюс торопливо приготовил какую-то микстуру, которую влил девушке в рот. После второй дозы она медленно открыла глаза и недоуменно осмотрелась по сторонам. Потом ее взгляд остановился на Брюсе, и глаза вспыхнули радостью узнавания. Чуть позже, отдышавшись от страстных объятий с вновь обретенным возлюбленным, девушка поведала нам свою историю:

— Вскоре после того, как Малкольм вышел в аптеку, профессор попросил меня зайти к нему. Поскольку он часто посылал меня в город с разными поручениями, я ничего не заподозрила и, чтобы сэкономить время, прихватила с собой пальто и шляпу. Затворив за мной дверь кабинета, он неожиданно набросился на меня сзади, повалил на пол и связал по рукам и ногам. Заткнуть мне рот не было необходимости — ведь лаборатория звуконепроницаемая.

Потом он привел огромного ньюфаундленда, невесть где раздобытого, и на моих глазах превратил пса в пепел, а пепел ссыпал в стеклянную банку, стоявшую на табурете.

Затем ван Алистер отправился в кладовую и из сундука, где вы нашли меня, вытащил стеклянный гроб — по крайней мере мне, пораженной диким ужасом, этот ящик показался именно гробом. Он приготовил достаточное количество своего кошмарного препарата, чтобы наполнить ящик почти до краев. Далее он заявил, что теперь осталось только одно: провести эксперимент на человеческом существе!

Марджори содрогнулась при этом воспоминании.

— Безумец разразился пространной речью о том, сколь великая честь для любого человека пожертвовать своей жизнью во имя науки, а потом хладнокровно сообщил, что в качестве объекта эксперимента он выбрал тебя, Малкольм, а мне отведена роль наблюдателя! Я лишилась чувств.

Видимо, профессор опасался, как бы в лабораторию не вошел кто посторонний, ибо очнулась я уже в сундуке, где вы меня нашли. Духотища там была страшная! С каждой минутой дышать становилось все труднее и труднее. Я думала о тебе, Малкольм... думала о чудесных, счастливых часах, что мы провели вместе в последние несколько дней. Я не представляла, как я буду жить без тебя! Я даже молилась, чтобы он убил и меня тоже! Губы у меня запеклись, в горле пересохло... и я провалилась в беспамятство. Очнулась я уже здесь, рядом с тобой, Малкольм.

Голос Марджори упал до хриплого, нервного шепота.

— А где... где профессор?

Брюс молча провел девушку в рабочий кабинет ван Алистера. При виде стеклянного гроба она сильно вздрогнула. По-прежнему не произнося ни слова, Брюс подошел к гробу, зачерпнул пригоршню тонкого белого пепла и медленно пропустил его сквозь пальцы.

Перевод: Мария Куренная, 2010 год